

ВОИН

АЛЕКСАНДР ПАРХОМЕНКО

Александр Пархоменко

Воин

«Автор»

2026

Пархоменко А.

Воин / А. Пархоменко — «Автор», 2026

Он был Пухтором — воином, четыреста лет перекраивавшим реальность в чужих мирах. Но однажды он шагнул в трещину между слоями, чтобы стать смертным. Так родился Вася — сын упаковщицы и пьяницы, мальчик с нечеловеческой силой и глазами, в которых застыла вечность. Он растёт среди драк, пустых фляг и надежды, но прошлое настигает его ударом по голове: кома, разговор с Богом, возвращение с даром видеть нити судеб. Теперь он слышит голоса мёртвых солдат. Родные отправляют его в психушку. Он выходит наружу, и мир распадается на галлюцинации. Но был ли Пухтор? Или это просто игра больного мозга? Книга о том, где заканчивается безумие и начинается истина.

© Пархоменко А., 2026

© Автор, 2026

Александр Пархоменко

Воин

Глава первая. Ветер над Ущельем Ржавых Зубов

Пухтор проснулся от того, что ветер сорвал с его лица маску из песка. Она была сплетена из грубых волокон, пропитанных смолой, и держалась на затылке резинкой, но утренний порыв оказался сильнее — он рванул её, как бумагу, и песчинки хлестнули по щекам, оставляя на коже мелкие царапины, которые сразу же запеклись под палящим солнцем. Пухтор лежал на спине в окопе, вырытом в склоне холма, и смотрел, как над головой плывут облака — такие лёгкие, будто их надували из мыльной пены, и они тянулись бесконечной вереницей, не задерживаясь ни на миг. Война пахла сухой глиной и пережжённым металлом, но небо было невинным, и этот контраст резал глаза острее, чем песок. Он потянулся, хрустнув позвонками — звук был сухим, как треск сухой ветки, — и поднялся на ноги, отряхивая с одежды серую пыль, которая налипла на ткань за ночь.

Из окопа открывалась долина, пересечённая траншеями, похожими на шрамы на теле земли. Они змеились в разных направлениях, некоторые были глубокими, с деревянными перекрытиями, другие — мелкими, только для лежки, и в них копошились солдаты, как муравьи в потревоженном муравейнике. Вражеские линии мерцали синим светом — там стояли защитные купола из сгущённой тишины, которые гасили любой звук и делали атаку почти бесшумной. Наши позиции были серыми, глиняными, с торчащими из брустверов ржавыми прутьями, на которых иногда развевались тряпки — их вешали для маскировки, но они давно выцвели и теперь напоминали флаги поражения. Солдаты сидели кто где: чистили оружие, жевали сухой паёк, который крошился в руках, как мел, молча смотрели в одну точку, и в их глазах отражалась пустота, которую не могли заполнить ни приказы, ни надежда. Пухтор знал каждого по именам, но они называли его просто «Господин Шестой» — за способность чувствовать удар за пять минут до того, как он случится. Это умение пришло к нему после трёхсотой битвы, когда он перестал различать свои мысли и вибрации земли, и с тех пор он был для них не человеком, а чем-то вроде барометра, который всегда показывал бурю.

Утром началась раздача «воздуха». Из баллонов с шипением пускали газ, который должен был бодрить и убирать страх, но газ тек тонко, как слёзы, и доходил лишь до тех, кто стоял ближе к офицерской землянке, где трубы были новыми и не прохудились. Остальные, внизу, получали только запах горелого керосина и собственного пота, смешанного с глиной. Рядовой Чиж, подросток с белыми ресницами, которые почти сливались с бледной кожей, подошёл к Пухтору и сказал негромко, оглядываясь, как будто боялся, что кто-то услышит:

— Господин Шестой, у нас кончилась вода в третьем батальоне. Им выдают по полкружки на десятерых. А в штабе пьют чай с лепестками. Я видел своими глазами, они даже не прячутся, заваривают в жестяных кружках, и лепестки плавают, как мёртвые бабочки.

Пухтор посмотрел на Чижа. Ветер трепал его волосы, делая их похожими на одуванчик, который вот-вот разлетится. Он знал, что Чиж врёт — не про чай, а про себя. Чижу было шестнадцать, он попал на фронт из приюта, и вода для него была символом всего, чего он был лишён: тепла, дома, покоя. Пухтор положил руку ему на плечо и ответил:

— Я скажу начальнику снабжения. Но он выслушает меня, только когда мы начнём атаку. Война — это очередь из нужд, Чиж. И мы в конце. Всегда в конце. Ты хочешь воды, он хочет крови, Верховный хочет победы, а я хочу, чтобы ты дожил до завтра. Но сегодня у нас есть только глина и ветер.

Чиж кивнул, сглотнул сухой ком в горле и ушёл, прижимая к груди пустую флягу, которая гремела, как погремушка. Пухтор проводил его взглядом и перевёл глаза на горизонт — синие купола дрожали в мареве, и он знал, что скоро они лопнут, но не от нашей атаки, а от времени.

В десять часов враг начал обстрел. Это был не огонь, а звуковые волны, спрессованные в шары размером с кулак. Они падали на позиции и разрывались внутри голов — солдаты падали, зажимая уши, из носов шла серая пыль, которая была их собственным страхом, выданным наружу. Траншеи заполнились криками, которые тут же гасли, потому что звук шаров пожирал всё вокруг. Пухтор встал на бруствер и вытянул руку ладонью вперёд. Он не отражал шары — он их перенаправлял, заставляя врезаться в пустые скалы справа, где не было ни души. Три шара улетели в сторону, четыре разбились о камни, оставляя на них глубокие вмятины, похожие на следы от пальцев великана. Он сделал это молча, без усилия, как будто отгонял комаров, и его лицо оставалось неподвижным, хотя внутри всё дрожало от напряжения. Солдаты смотрели на него с благоговением, но никто не сказал спасибо — благодарность была запрещена уставом, чтобы не создавать культа личности, и этот запрет висел в воздухе тяжелее, чем шары.

В обед привезли горячее. В больших чанах плавали овощи, которые назывались «железными огурцами» — они хрустели как стекло и пахли нафталином, и их нельзя было разжевать, только проглотить целиком, и они царапали горло. Рядовой Пётр, старый солдат с одной рукой, разливал похлёбку деревянным черпаком, который был чёрным от жира. Он недоливал новичкам, но переливал тем, кто давал ему лишний паёк табака, и делал это открыто, не стесняясь, потому что его авторитет был основан на единственном умении — варить без огня, просто положив чан на солнце, и никто другой так не умел. Это было известно всем, но молчали, потому что иначе пришлось бы есть сырые огурцы. Пухтор подошёл, взял миску, и Пётр, не глядя, плеснул ему гущи — больше, чем другим, потому что Пухтор никогда не жаловался. Он поблагодарил и отошёл к брустверу, где ел медленно, глядя на вражеские купола и думая о том, что в этом мире война длится четыреста лет, и каждый новый солдат — это тот же самый старый, просто перереженный, и каждое поколение умирает с одной и той же мыслью: «Завтра кончится».

После полудня пришёл приказ от Верховного — начать отвлекающую атаку на левом фланге, чтобы дать основным силам зайти с тыла. Пухтор вызвал офицеров в землянку, где пахло сыростью и старыми картами, разложенными на ящиках из-под снарядов. Офицеры сидели на корточках, их мундиры были чище, чем у солдат, но лица такие же серые, с глубокими морщинами, которые прорезала не возраст, а бессонница. Лейтенант Кам, молодой и зубастый, с острым кадыком, который ходил ходуном, когда он злился, спросил, кого отправят. Пухтор ответил ровным голосом:

— Третий батальон. Они самые слабые, и враг примет это за слабость. Иди с ними.

Кам сжал кулаки так, что костяшки побелели, и выкрикнул:

— Третий батальон — это мальчишки с ферм, они не умеют стрелять, у них винтовки разваливаются в руках. Они побегут и умрут через десять минут. Это не отвлекающая атака, это бойня.

Пухтор посмотрел на него и произнёс тихо, но так, что каждый звук врезался в тишину:

— Поэтому они и отвлекают. Их смерть — это часть плана. Мы не можем тратить обученных, Кам. Ты знаешь это. Иди и сделай так, чтобы их смерть была не напрасной.

Кам выругался сквозь зубы, хлопнул дверью, и землянка содрогнулась. Пухтор остался один и долго смотрел на карту, где линии фронта были нарисованы аккуратно, как прожилки на листе, но за ними стояла грязь, пот и крики, которые не рисовали никогда.

В четыре часа пополудни третий батальон побежал через открытое поле, поднимая пыль, которая в лучах солнца казалась золотой, как пыльца с крыльев мотыльков. Они бежали, сжимая винтовки, которые дрожали в их руках, и некоторые падали ещё до того, как враг начал стрелять — от страха, от жары, от того, что ноги отказывались нести их вперёд. Вражеские орудия не стреляли — они ждали, пока солдаты подойдут ближе, чтобы взять их всех одним импульсом, как сжимают кулак, чтобы раздавить муху. Пухтор стоял на холме и смотрел, как бегут эти мальчишки с ферм, у которых за спиной остались поля, коровы и матери, которые не знали, где их сыновья. Один упал, второй споткнулся, третий обернулся и закричал — ветер унёс звук, и только движение губ осталось в памяти. Пухтор не вмешивался. Он знал, что всякий план требует жертв, но в горле застрял сухой ком, и он выдохнул его вместе с ветром, который нёсся с гор, холодный и безразличный.

Через полтора часа вражеский купол дал трещину. Основные силы, зашедшие с тыла, ударили по генератору, и синяя завеса лопнула, как мыльный пузырь — с тихим хлопком, который прозвучал как вздох облегчения. Вражеские солдаты в панике бросили позиции — они были одеты в лёгкие скафандры, терявшие герметичность без купола, и их лица оказались похожи на лица людей, только с вертикальными зрачками, и в этих глазах стоял тот же страх, что и в глазах наших. Пухтор скомандовал преследование, но сам остался на месте. Он смотрел на бегущих врагов и чувствовал, что победа уже не приносит радости — только глухую усталость, которая оседала в костях, как свинец. Это была четырёхсотая победа за его память, и каждая была как перелистывание одной и той же страницы, и он уже не помнил, что было в начале.

Вечером, когда всё затихло, и только ветер свистел в пустых траншеях, Пухтор прошёл по полю битвы. Пахло гарью и сладковатым запахом разрушенных куполов — как перезревшие дыни, которые разбились об асфальт. Солдаты собирали тела своих: из третьего батальона вернулись лишь трое, и они сидели у костра, который горел на скорую руку из обломков ящиков. Один из них, парень по имени Рысь, с рыжими волосами, которые выцвели на солнце, тихо плакал, уткнувшись лицом в колени. Пухтор сел рядом с ним на землю, которая была ещё тёплой от дневного зноя, и молчал, пока Рысь не поднял голову. Его глаза были красными, как у кролика, и он спросил, не глядя на Пухтора:

— Зачем мы это делаем? Зачем мы бежим под пули, зачем умираем, если победа уже была? Мы могли просто сидеть и ждать, пока их купол треснет сам по себе.

Пухтор помолчал и ответил, глядя на тлеющие угли костра:

— Потому что если мы не будем это делать, то они сделают это с нами. Они тоже думают, что победа нужна, и они тоже посылают своих мальчишек. Но ты прав, это не ответ. Это просто привычка, Рысь. Как дышать дымом. Мы привыкли, что война — это единственное, что мы умеем. И мы боимся остановиться, потому что тогда придётся смотреть в глаза тому, что мы натворили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.